

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

*Светлой памяти
моей бесконечно любимой мамочки
посвящается*

Утро было недобрим.

Настолько, что хотелось от всей широты души пожелать просыпаться таким вот образом моим врагам, но даже им не каждый день, не настолько уж я кровожадна.

Врагов у меня не имелось, по крайней мере явных, о которых бы мне было доподлинно известно, поэтому посыл остался без конкретного адресата и пропал попусту.

О господи, как же хреново-то!

Лучше бы совсем не просыпаться!

Болело абсолютно все, даже не болело, а ныло эдаким нудным стоном-жалобой, и еще эта дикая слабость, какая-то такая безысходная, словно размазывающая меня по поверхности кровати, а заодно и по жизни как таковой.

О-й-й-й... Чтоб тебя...

И за каким, скажите на милость, я проснулась? Ведь так хорошо спала, практически в беспомыслии!

А проснулась я от жажды. Серьезной, солидной жажды до склеивания и высушивания всех внутренних органов.

— Надо встать, — прокаркала я севшим голосом.

И осмотрелась, в удивлении обозревая свою спальню — я ли это вообще произнесла, настолько чужим показался мне собственный голос.

А вот проявление такого активного любопытства было крайне опрометчиво! Не надо было головушкой-то крутить, ой не надо! В ней, в смысле в голове, родимой, что-то ощутимо сместилось, булькнуло, выстрелило острыми иглами в разные стороны и растеклось по черепушке приступом боли.

— О-й-й-й, ё..! — простонала я и ухватилась за головушку многострадальную обеими руками.

За что ж мне такое наказание-то, а? Ладно бы напилась накануне в хлам распоследний до тяжелой формы алкогольной абстиненции — понятны оказались бы столь плачевные последствия, да и не так обидно, к тому же честное признание самого факта, что страдаю и расплачиваюсь я за дело и полученное накануне удовольствие, примиряло бы с трудной действительностью поутру! Но полбокала шампанского — и такая вот фигня!.. Это, знаете ли, не просто обидно, это какая-то мировая несправедливость!

Ладно, хватит ныть, успею еще, а вставить все же требуется — помимо жажды явственно заявила о себе и другая, ровно противоположная, но столь же жгучая насущная необходи-

мость расстаться с не востребованной организмом жидкостью.

Мама дорогая, как же мне встать-то?

— Поэтапно, — посоветовала я себе чужим голосом.

И приступила к осуществлению рекомендаций.

Сопровождая каждое действие стоном, вялым поругиванием, жалобами на жизнь и судьбу-злодейку, я первым делом перевернулась на бок. Полежала, пережидая, когда закончится головокружение, вызванное этим нехитрым движением.

— И какого хрена я не осталась в больнице? — попеняла я себе ворчливо. — Лежала бы спокойненько в палате, кнопочку нажала, и сестричка какая медицинская раз и прибежала с горшком. Или как эта фигня у них там называется?

Ну, вот не осталась, дурында этакая, — домой, домой все рвалась, теперь обходись без кнопочки волшебной и доброй медсестрицы с белым горшком в руке.

Самостоятельно.

Так! А самостоятельно мы сейчас ножки с кровати спустим — и-и-и, ну-ка... Ну-ка, получилось не так бодро, как предполагалось, но ножки я таки спустила с кровати. Теперь предстояло более сложное действие с непредсказуемыми последствиями — сесть...

Я набралась храбрости, сколь могла, выдохнула и, придерживаясь за края кровати, пере-

вела свое тельце из полугоризонтали в полувертикаль.

И пое-е-е-ехала моя головушка в путешествие, в мировое турне, я бы сказала, — вау-вау-вау — кружилась комната.

В голове стреляли иголки боли, во рту... — лучше даже не думать, что там у меня во рту творится, и не знать никому!

Кругоземка в голове постепенно закончилась, мне даже удалось разлепить глаза и пожелать себе мысленно успеха в следующем этапе — подъеме с кровати.

Вдохнув поглубже и жалобно-скорбно выдохнув, ухватившись одной рукой за изголовье, второй за борт кровати, я, как та птица, набралась гордости и...

И, как ни удивительно, сумела подняться с первой же попытки!

О, как!

Чувствуя себя практически олимпийской чемпионкой, ну по крайней мере определенно героиней, я сделала первый пробный шаг к двери, и ничего — шагнула! В голове булькало и колело, от слабости дрожали руки и ноги, подгибались коленки, во рту... ну это лишнее — а таки шагнула!

И так вот шаг за шагом, буквально step, как говорится в нашем английском, бау, как говорится там же, step, понимаешь ли, я пошкандыбала вперед, придерживаясь за все подряд — стены, мебель, двери, по дороге пытаюсь определить, что в моих потребностях приоритетнее

в данный исторический момент — пить или, пардоньте-с, наоборот.

«Наоборот» перевесило, к тому же туалет находился ближе, чем кухня по пути моего следования.

О! А там еще предстояла процедура усаживания на унитаз с последующим подниманием с него же! Тоже из разряда экстремальной утренней зарядки.

Но то ли я «расходилась» уже, то ли тельце немного приспособилось к действительности, начав свыкаться с ней — еще не смирилось, а пока только приспособлялось.

Оказавшись в кухне, я не бросилась пить, не вовремя остановленная воспоминанием о четких инструкциях и наставлениях доктора — пить как можно больше воды и вообще жидкости, а в первую утреннюю чашку, непременно теплую, добавить несколько капель лимонного сока.

Так — осмотрев от двери любимую кухню, подумала я и... развернувшись, отправилась в ванную чистить зубы — вливать в такой рот чистую воду мне казалось чистым кощунством и надругательством над организмом.

В зеркале над умывальником отразилась незнакомая дамочка со спутанными волосами, впавшими глазами с темными кругами вокруг них, пересохшими бледными губами и заострившимся носом и скулами.

Ужас какой, господи!!

Чур меня, чур!

В зеркало, старательно начищая зубы, я больше не смотрела.

Вот точно — расходилась как-то, раздвигалась, и уже чуть живей, чем ходячий труп, практически поспешила в кухню торопливым шарканьем, не забывая держаться за стены и мебель.

О, вода, да с лимончиком!! У-м-м!

Есть!! Есть-таки в жизни мгновения счастья!

Выпила две большущие кружки, испытывая наслаждение. Класс!!

Так — поставив пустую кружку на столешницу, поинтересовалась я мысленно у себя, — и что дальше?

Душ! Ну, конечно, душ! Надо срочно смыть с себя всю эту слабость и вчерашние мытарства!

Сначала я просто стояла, упершись руками в стену и свесив несчастную головушку между ними, потеряв счет времени под горячими живительными струями воды, практически согласившись мысленно с тем, что существует в природе «живая» вода.

А потом все же отлепилась от стены, с большим трудом, но помылась и даже смогла, выбравшись из душа, высушить феном волосы — говорю же, чемпионка, героиня дня!

Но предательская слабость напомнила о себе, догнав, когда я вышла из ванной — под коленками вдруг стало зыбко и холодно, ножки задрожали и принялись непроизвольно подгибаться при каждом шаге, пришлось по стеночке, по стеночке, с передыханием дошкандыбать до кухни и рухнуть на стул у стола.

Я облокотилась на столешницу, свесив голову забубенную — тело мелко тряслось от накрывшего неожиданно и стремительно приступа слабости. Тряслось противно, мелко-мелко, безостановочно и как-то предательски, что ли? Вот ведь под горячим душем казалось, что жизнь наладилась, а тут эта слабость накатила, ну вот как так?

Тут мне весьма своевременно вспомнилась очередная рекомендация врача — крепкий, настоящий, лучше дорогого сорта, черный горячий чай и овсяная каша. На воде! Без сахара и без масла, только немного соли.

У меня есть прекрасная правильная до невозможности овсянка из пророщенных зерен!

Мне удалось уговорить себя подняться и заняться делом — ну, действительно, надо как-то заканчивать с этим дурацким состоянием!

И что удивительно, пока я возилась с завтраком — варила кашу и делала себе чай, как-то на самом деле полегчало, а когда принялась есть, так и вовсе попустило ощутимо.

— Не! — почти довольно похвалилась я, шумно отхлебывая душистый горячий чаек из своей любимой большой кружки. — Правильно сделала, что из больницы слиняла! Что нам та больница, дома-то как хорошо! — И вздохнув, как довольная бабулька, повторила: — Правильно!

— Ну что, — закончив с чайком и кашей, почувствовав робкий прилив сил, спросила я у себя куда как бодрее прежнего, я бы даже

сказала: с большой долей оптимизма, — какие планы?

Сегодня планы могут быть только одни — отлеживаться, приходиться в себя, пить как можно больше жидкости и восстанавливать здоровье, как настоятельно рекомендовал мне замечательный доктор Тарас Наумович Шабалин.

Ну, восстанавливать так восстанавливать — залягу с книжкой и ноутбуком в гостиной на любимом уютном диване на весь день — красота! Хоть телик смотри, щелкая каналами, хоть читай, хоть в сетях зависай, и все на законных основаниях — поправляем неожиданно и грубо подорванное здоровье.

Завтра тоже валяться буду — решила я! А что — отдыхать так отдыхать, набираться, так сказать, сил так набираться! Ничего, подчиненные справятся и без меня пару деньков. Им не впервой, а мне приятно.

Кстати, насчет подчиненных — надо бы их оповестить о неожиданном недомогании начальства. И я позвонила неизменному директору нашей сети и моей правой руке — Оксане Викторовне Истоминой, даме во всех смыслах выдающейся и необыкновенной.

— Доброе утро, Кира Андреевна, — чинно поздоровалась Оксана.

— Кому как, — не поделила ее оптимизма я.

Сообщила о своей болезни, не вдаваясь в подробности, каким именно образом ее получила, и уведомила о своем отсутствии в ближайшие два дня.

— Не беспокойтесь, Кира Андреевна, спокойно лечитесь и выздоравливайте. Вы же знаете, все будет в порядке, я прослежу, — четко пообещала она.

Вообще, Оксана Викторовна — это отдельная тема, интереснейший человек и личность, и если она обещает, что за всем проследит, можно быть абсолютно уверенной: так и будет.

— Спасибо, Оксана Викторовна, — поблагодарила я искренне, но и расслабляться не дала. — Звоните, держите меня в курсе текущих дел.

— Обязательно, — пообещала повторно та и поинтересовалась, нужно ли мне что-нибудь.

А вот бог знает! Может, и нужно, я пока не соображу. Пообещала ей сообщить, если что понадобится, и с довольным сердцем отключилась.

Ну что? Берем подушку, пледик кашемировый уютенький, книжонку — я недавно купила детективчик любимой писательницы, так за делами еще и не начала читать — вот в самый раз сейчас! И с удовольствием!

И что? — на диванчик! Хорошо!

Я распахнула дверь, сделала пару шагов в гостиную и... и словно налетела на невидимую стену — дернулась всем телом, мгновенно почувствовав, как холодная волна страха, пробежав по позвоночнику, ударила куда-то под коленки, грудь одновременно ошпарило как кипятком, а сердце, бухнув гулко, тяжело и быстро застучало. Я придушенно вякнула что-то нечленораздельное, расширенными глазами

установившись на незнакомого мужика, сидевшего в моем кресле!!

На полноценный крик или какое высказывание в стиле «кто вы такой?» или «что вы тут делаете?», на худой конец, более продуктивного «помогите!» сил у меня не обнаружилось.

ЭТО КТО ТАКОЙ?! И КАК ОН ТУТ...?! На самом-то деле!

Высокий, стройный мужик, скорее молодой, чем возрастной, в дорожном костюме стального цвета, в великолепных ботинках от известного дизайнера, на лежавшей на подлокотнике левой руке из-под края рукава рубашки с золотой запонкой выглядывали явно настоящие швейцарские часы не менее известной во всем мире фирмы — богатый такой, упакованный дядечка.

А на его ослепительно-белой, опять-таки повторюсь, жутко дорогой рубашке, слева от дизайнерского галстука красовались две небольшие красные дырочки... — входные пулевые отверстия, вид которых вызывал большие сомнения в том, что он ответит на мои недоуменные горячие вопросы.

Может, он еще жив, трусливо подумалось мне, пока я с большим сомнением всматривалась в его бледное застывшее лицо.

— Эй! — позвала я мужика сдавленным шепотом, кашлянула и добавила немного смелости в свои намерения: — Эй, мужчина, вы кто?

Мужик предсказуемо не ответил на мои слабые попытки установить контакт.

На кого-то он похож, подумалось вдруг мне. Что-то смутно знакомое, неуловимое.

Ладно, это пофиг, на кого он там похож, а вот жив ли, надо бы проверить.

— Ты что, сбрендила? — ругнулась я на себя сиплым шепотом. — Как проверить?

Как-как?! И идиоту понятно, что проверить можно только одним способом...

Как сказал Сенека: «В беде следует принимать опасные решения!» Я сейчас определенно в беде, а опасное решение... Это как раз подойти к этому чуваку и что-то там на нем потрогать!

Бляха, как говорится, муха! Не хочу я его трогать!! И пошел этот Сенека вместе с этим мужиком, но...

Но я заставила себя сдвинуться с места и эдак сторожко, с замиранием и готовностью в любой момент сбежать, мелкими шажками подобралась к креслу, не сводя с лица незнакомца внимательного взгляда. Протянула медленно и нервно руку к его запястью и попробовала нащупать пульс...

Что там щупать — мужик был глухо и безнадежно мертв, причем уже несколько часов точно, поскольку успел остыть и стал... как бы это сказать: малогнущимся, что ли.

Как-то все это слишком пугало своим натурализмом!

— И какого хрена я не осталась в больнице, а?! — пискнула я, жалея себя ужасно и желая прямо сейчас, в этот момент, оказаться в каком угодно месте, кроме собственной гостиной!

Именно сейчас до меня наконец с запозданием начало доходить истинное положение дел во всей своей очевидности — и вот тут-то меня накрыло с головой!! Догнало, можно сказать, полным осознанием!! Да еще как!!

До сих пор с труппами, так сказать «натюрель», мне не приходилось сталкиваться воочию, в теории, хотя и довольно обширной, а с труппами неизвестных чуваков в собственной квартире так и подавно!!

Мне вдруг стало жутко холодно, а потом резко жарко, и неожиданно я разлилась... да так... что новизна впечатлений непроизвольно вырвалась из меня в непечатных выражениях, но от души:

— ...! Йо-о-о-о...дистый калий!! — проняло меня, но не удовлетворило суррогатом крепкого русского словечка, отводящего душу, и я добавила по полной программе: — Твою ж мать!!!!

По-хорошему, надо было поорать, может, и повизжать, истерично прижимая ладошки к губам — так, чисто по-женски, по-бабьи, — психологи и просто знающие люди утверждают, что помогает при стрессе.

— А-а-а-а... — глухо, без огонька и задора на одной низкой ноте протянула я, поглядывая на мертвеца, даже не приблизившись к звонким верхним нотам настоящей добротной истерики.

И махнула рукой — не, это не наш метод — фигня. Визжать не стану — бесполезняк пытаться — никогда не умела, и не стоит начинать.

К тому же на меня, видимо, напал, как его там, этот... — ступор, наверное.

Или невидимо. Или не напал и обошлось? Или после экспрессивного высказывания меня попустило немного?

— Да господи, о чем я думаю?! — скривилась я от собственной заторможенности и ерунды, которая лезла в голову, посмотрела повнимательней на мужика убиенного и задумчиво спросила молчаливого оппонента: — Кого же ты мне все-таки напоминаешь, удачливый ты наш? И как ты, черт тебя возьми, здесь вообще образовался?!

Хороший вопрос, неплохо бы найти кого-нибудь, кто дал бы на него доходчивый ответ.

А сейчас... Я тяжело вздохнула, доставая телефон, и проворчала:

— А сейчас неизбежное: звонок в полицию, — и набрала экстренный номер.

Что-то щелкало-переключалось в трубке, потом пошли длинные гудки, всего парочка штук, и мне ответили, четким мужским голосом уведомив, что я звоню в какой-то там общий центр или еще что, мне в тот момент непонятное, но таки в полицию, это мой мозг зафиксировал отчетливо. Затем в трубке представились и заинтересовались, что у меня произошло.

— У меня труп, — громко и тяжело вздохнув, призналась я.

— Где у вас труп? — почти нежно спросил человек на том конце.

— В моей квартире, — объяснила я и для ясности добавила: — В кресле.

— Кто-то из ваших родственников? — мягко задавал мне вопросы мужской голос.

— Нет.

— Из друзей или знакомых?

— Нет. Этого человека я не знаю.

Мужик помолчал пару секунд.

— Вы уверены, что человек умер, может, он потерял сознание и ему требуется помощь? — несколько подрастеряв спокойные и нежные интонации в голосе, более напряженно спросил он.

— Это вряд ли, — с сомнением еще разок глянув на мужика в кресле, ответила я. — Он уже холодный.

— То есть вы хотите сказать, что у вас в квартире умер совершенно неизвестный вам человек?

— Вы правильно меня поняли, — подтвердила я.

— И как он оказался у вас дома?

— Понятия не имею, — как на духу призналась я почти весело.

— Понятно, — произнес товарищ сухо и задал следующий вопрос: — Возможная причина смерти?

— Подозреваю, что две пули, грамм по девять, в область сердца.

Чувак в трубке явно сбился с доброжелательного терпеливого тона, помолчал, может, обдумывая, не спросить ли меня напрямую, не я ли